

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

И.А. Голосенко

ШЕДЕВР СОЦИОЛОГИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX ВЕКА*

Как доказывают сочинения П. Ковалевского, Г. Адамовича и других исследователей роли русской послеоктябрьской эмиграции в науке и культуре, ее дар миру оказался ошеломляюще огромным [1, 2]. Приходится только ужасаться размерам обескровливания отечественной культуры. Среди отторгнутых большевиками выдающихся ученых первое место в сфере социологии, безусловно, занимал Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), а в его творчестве — четырехтомная «Социальная и культурная динамика» (1937–1941). С намерением популяризации ее главных выводов Сорокин выпустил в 1957 году однотомный вариант работы, который, будучи переведенным на ряд языков, наконец-то дождался перевода и издания на родине автора. Подлинно подвижнический труд совершил переводчик и блестящий комментатор данной работы В.В. Сапов, чьи усилия заслуживают самой искренней благодарности коллег. В какой бы научной области ни специализировался читатель книги — социологии культуры или социологии морали, права, искусства, религии, стратификации, войн и революций и т.п., его воображение будет властно захвачено логикой П. Сорокина, чтение книги которого станет — увлекательнейшим духовным приключением.

В 1928 г. П. Сорокин опубликовал свою знаменитую работу «Современные социологические теории», которая окончательно закрепила его высочайший профессиональный авторитет в мировом научном сообществе. Но закончив ее, он задумался: помогут ли описанные им теории, нацеленные в основном на изучение современного их творцам общества и прежде всего, как выразился сам Сорокин, на их «темные проблемы», ответить на вопросы нового толка: какими были общества и культуры прошлого? почему они носили тот или иной характер? во что люди тогда

* П.А. Сорокин. Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000.

верили и что они точно знали? как и почему происходят социокультурные изменения в истории? коррелируются ли достоверно известные нам исторические факты в систему и если — да, то каковы их формы и виды и по каким самообразующим признакам это происходит? Поиски ответов на эти и другие вопросы составили мотивы грандиозного исследовательского проекта, воплотившегося в «Социальной и культурной динамике».

Тут следует оговорить одно важное обстоятельство. Разве не отвечали на эти же вопросы, спрашивал Ф. Коуэлл, великие европейские историки, начиная от Геродота, Фукидида и Полибия до Т. Моммзена, Ф. де Куланжа или М. Ростовцева и многих других [3, р. 38]. П. Сорокин разъяснял, что заслуженно уважаемые им историки давали описательные, фактографические или «идеографические» картины прошлого в их хронологической последовательности, а его цель иная — построение обобщающей социологии социокультурных изменений западной цивилизации за 25 веков ее истории. По задачам и масштабу фактического материала это классическая цель была не по силам одному человеку, даже обладающему сверхмощной интуицией, энциклопедическими знаниями и талантом точного обобщения, какие были у П. Сорокина. Для реализации данной цели исследователь предпринял нестандартный метод ее решения. Он создал исследовательскую группу из крупнейших специалистов русской диаспоры, члены которой согласились ему помочь, и осуществляли под его руководством работу по статистическому сбору и сравнению обширных исходных данных по спискам, которые он им составлял. В этот коллектив вошли известные философы Н. Лосский и И. Лапшин, военные социологи Н. Головин и А.Зайцев, историк Н. Окунев, экономист П. Струве, социолог права Н. Тимашев, культуролог Д. Болдырев и другие. Можно сказать, что П. Сорокин «сколотил» добрую научную артель. Ее члены, один из лидеров «евразийцев» экономист П. Савицкий, а также С. Пушкарев и Е. Максимович, изучая экономические условия европейской цивилизации, использовали подход "длинных волн" Н. Кондратьева, старинного друга П. Сорокина. В огромной исследовательской работе, затянувшейся на несколько лет, участвовали только два иностранца — американские социологи Р. Мертон и Х. Кросс. Мертон, ставший одним из лидеров функционализма в 50-е годы, вспоминая работу с П. Сорокиным, писал, что именно это сотрудничество помогло ему в дальнейшем счастливо «избежать провинциализма мышления» и свойственного многим американцам наивного мнения, что все проблемы социологической науки ограничены рамками американского общества [4, р. IX].

Получая от каждого члена исследовательской группы соответствующие материалы — от одних по истории философии и религии, от других по истории науки, искусства, права, войн, революций и других важнейших социокультурных процессов, П. Сорокин каждый раз вновь переживал — будут ли новые данные соответствовать уже полученным и его гипотезе в целом. «К счастью для меня, — признавался потом Сорокин, — почти все многочисленные материалы подтвердили мою гипотезу о флуктуации культур и систем ценностей, о волновом и циклическом характере европейской истории сильнее, убедительнее, чем я рассчитывал».

Совершенно очевидно, что его переход к истории культуры и производству ценностей базировался на гипотетико-дедуктивной методологии, которая характерна для построения всех серьезных теорий в науке XX в. В соответствии с ней он конструировал идеализированные модели изучаемых явлений (в виде триумвирата высоко-интегрированных культурных типов, «умозрительного», «идеалистического» и массы «смешанных» типов по разным системам ценностей — философии, эстетике, науке, праву, морали и т.п.), выдвигал гипотезы относительно их сосуществования и динамики, далее верифицировал их с помощью анализа фактов, которые для наглядности сводились им в диаграммы, таблицы, графики. По мере получения количественных данных от своих помощников, подсчета корреляции между разными параметрами социокультурного процесса и выявления статистических закономерностей П. Сорокин убеждался, что его гипотеза верна и не только позволяет ему построить «интегральную теорию», являющую собой разновидность «позитивистско-идеалистического дуализма», но и делать уверенные предсказания, которые, как он убедился в 40–60-е годы, сбываются, что лишней раз доказывало правомерность гипотезы. Как настоящий ученый, П. Сорокин отмечал, что конечно можно спорить относительно достоинств и недостатков его количественных методик, о точности его подсчетов, о представительности индикаторов и шкал. Но, полагал он, в любом случае результаты, им полученные, более надежны, чем любые данные, которыми оперировали до сих пор другие исследователи культуры и творческой активности в различных ее полях.

Пробное изложение гипотезы и первых данных, говорящих в ее пользу, Сорокин предпринял в лекционных курсах для студентов и аспирантов Гарварда в 1931–1933 годы. Публикации появились позднее — в 1935 г. в одном журнале он поместил статью «Курс арабского интеллектуального развития за 700–1300 г. н.э.», а в следующем году опубликовал более обширный раздел «Флуктуация материализма и идеализма от 600 г. до н.э. до 1920 г. н.э.» в сборнике, изданном в честь классика немецкой социологии Ф. Тенниса, с которым он находился в добрых товарищеских отношениях [3, р. 20]. В 1937 г. вышли первые три тома «Социальной и культурной динамики», в 1941 г. — четвертый заключительный том, подводящий методологические итоги всего проекта. Как же встретила научная общественность этот необычайный по размаху и информативному богатству труд П. Сорокина? Мне уже приходилось писать о двойственности в рецензиях и откликах [5, с. 208–211], но повторение будет к месту.

Первая реакция академического мира Америки была враждебной (так незнакомое часто пугает человека) и скорее эмоциональной, чем интеллектуальной! Социологов-эмпириков смущало обилие философии, тяга к пророчеству, смелая ломка многих традиционных представлений. За социологическим изучением творчества в истории видели только «философию истории», соперничество с другом П. Сорокина — А. Тойнби. Философам и академическим историкам не нравилось вторжение количественных приемов в сферу духовного творчества, «измерение» творчества и бесконечные ряды графиков и таблиц, обилие сухого цифрового материала, разрушающего плавность традиционно построенных текстов. По-

литологам не импонировала умная и злая критика современной умирающей «чувственной» культуры, ее эгоистической политики, сексуальной революции, увлечений патологиями. Его обвиняли в «атаке на идею прогресса». Обыватели разных профессий и возрастов, захмелевшие от идеологии потребительского общества, получили с выходом «Динамики» сильный пинок под зад. И всем вместе не хотелось ощущать себя продуктами «умирающей» культуры [6, р. 114–123; 7, р. 468–478]. В четвертом томе «Социальной и культурной динамики» Сорокин ответил на наиболее значительные, на его взгляд, критические замечания, выделяя среди них отклики антрополога А. Голденвейзера, философа С. Хука и социологов Л. Мемфорда, Р. Бирстейда, Х. Харта. Так как на работу П. Сорокина рецензий было больше, чем на какую-либо другую книгу по социологии, вышедшую в период с 1937 по 1942 г., то в 1943 г. американский социолог А. Тиббс провел в духе социологии знания классификацию и оценку всех первых откликов на нее [8].

Были, конечно, и уравновешенные отклики, в частности, патриарха американской социологии Р. Парка, который назвал «Динамику» выдающимся интеллектуальным достижением, помещая ее в один ряд с работами Г. Спенсера, К. Маркса и О. Шпенглера, но с одновременным упреком в том, что Сорокин пытался измерить то, что принципиально нельзя или почти невозможно измерить — пульсацию творческой энергии [9, р. 827–831]. Но и критики, и сторонники (самым настойчивым пропагандистом идей П. Сорокина стал известный английский культуролог Ф. Коуэлл) признавали, что по обилию смелых гипотез другой подобной книги в современной социологической литературе нет.

Вторая волна критической и комментаторской литературы о «Динамике» была довольно внушительной. Ученые из разных стран мира — США, Франции, Англии, Бельгии, Норвегии, Китая, Югославии, Индии и России рассматривали гипотезу предложенную П. Сорокиным с разных позиций. Есть резон перечислить их коротко. Одни авторы изначально отвергали исходные теоретико-методологические установки Сорокина о решающей роли ценностей в общественной жизни. Этим они себе облегчали дело, так как тогда нет смысла разбираться с его измерениями, пульсациями, взрывами и падениями творческой активности, тогда весь количественный аппарат становится ненужным. Главный вывод таков: ценности не являются самодостаточным моментом истории, они производны от социального. Но на деле социальное и культурное только аналитически дифференцируются и противопоставляются, в жизни они взаимосвязаны.

Позиция других авторов сводилась к тому, чтобы отыскать слабое место в некоторых статистических таблицах, цифровых рядах Сорокина. И тут кое-кому из специалистов по истории науки, искусства, философии удалось найти несоответствие выводов о господстве того или иного типа культуры и числовых данных. Стали говорить о натяжках. Впрочем, сам П. Сорокин несколько пренебрежительно отвечал этим критикам что статистика — орудие «чувственной культуры», он же себя чувствует представителем «идеалистической культуры» и больше верит в интуицию как источник творчества. Были обвинения в тавтологичности определений «чувственной, умозрительной и идеалистической культур» и их субъек-

тивизме. Но в любом случае стало ясно, что современным социологам игнорировать эту работу без ущерба для их профессиональной компетентности невозможно.

После «Динамики» П. Сорокин опубликовал еще немало интересных книг по общей социологии и ее истории, но при этом он был вынужден постоянно возвращаться к ее основным идеям, пропагандируя их как в специализированных, так и в массовых изданиях. Спустя двадцать пять лет после публикации «Динамики» он признавался: «В нашей быстроживущей цивилизации немногие работы выживают за такой период. Большинство работ в психосоциальных науках живут несколько месяцев или лет после их опубликования. К моему глубокому удовлетворению, "Динамика" в ее различных изданиях и переводах жила полнокровной жизнью, возможно даже более энергично, чем в течение первых лет своего существования» [10, р. 263]. Почему же так произошло? Вероятно, ценность и востребованность данного труда состоит не столько в анализе социокультурных изменений общества прошлых веков, измеренных и оцененных П. Сорокиным и его помощниками, сколько в том, что главная тема «Динамики» — философская и социологическая интерпретация современного западного общества, диагноз его глубочайшего кризиса и поиск путей выхода из него. Сорокин старался преодолеть деструктивное ощущение разрастающегося кризиса и писать о тех нежелательных изменениях, которые ожидают нынешнее и последующее поколения, информировать людей о возможной катастрофе и подсказать пути ее преодоления, последующей «моральной реконструкции человечества» и переходе на новые ступени мировой истории, от одной культуры к другой. Он искренне верил, что спасение и реконструкция должны быть делом коллективным и сознательным.

Литература

1. Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж: Возрождение, 1961.
2. Ковалевский П.Е. Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1960.
3. Cowell F.R. Values in Human Society. The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology. Boston: Porter Sargent Publisher, 1970.
4. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1965.
5. Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.
6. Jonston B.V. Pitirim A. Sorokin. An Intellectual biography. Lawrence, Kans.: Univ. Press of Kansas, 1995.
7. Speier H. The sociological Ideals of Pitirim Aleksandrovich Sorokin: «Integralist» Sociology // An Introduction to the History of Sociology / Ed. H.E. Barnes. Chicago, London: The Univ. of Chicago Press, 1966. Abridged Ed.
8. Tibbs A.E. Book Reviews of "Social and Cultural Dynamics": A study in Wissenssoziologie // Social Forces. 1943. Vol. 21.
9. Park R.E. Reviews of "Social and Cultural Dynamics" // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 43.
10. Sorokin Pitirim A. A Long Journey. New Haven, Conn.: Colledge and Univ. Press, 1963.